

СЕКЦИЯ 10. ПРОБЛЕМЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С. Л. Кропотов,

*декан факультета искусствоведения
и культурологии УрГУ
(г. Екатеринбург)*

ПРОБЛЕМЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В рамках направления «Культурология толерантности» исследуются межкультурные взаимодействия и возникающее на их основании толерантное сознание. Особое внимание обращается на взаимодействие культур в рамках мультикультурных сообществ. Как таковое это направление распадается на:

А. Экономическая многоукладность и социально-этническая гетерогенность российской культуры. Проблема неравномерной капитализации пространства и времени. Диалектика толерантности и нетерпимости как отношения совместности/несовместимости между логиками разнородных культурных парадигм, фактор нечитаемости кодов сосуществующих эпистем в практиках повседневной жизни. Город как многослойный историко-культурный текст. Семиотическая организация урбанистического пространства. Конфликты технократических, финансовых, интеллектуальных элит за овладение городской средой в свете идеалов толерантности. Руководитель темы: д. филос. н. Кропотов С. Л.

Б. Художественные практики XX в. как школа толерантности. Этапы эскалации «странности» от модернизма к постмодернизму — художественная репрезентация экзотики Другого как моделирования горизонтов культуры. Сдвиг от иллюзорно-пространственной визуальности индустриального общества к текстуально-плоскостной визуальности: неравномерность перехода к постиндустриальному обществу и его цена, издержки и приобретения. Глобализация и провинциализация в российской художественной жизни. «Культура рассеяния» и культура метрополии: драматургия толерант-

ного вживания в чужую культурную среду. Руководители: действ. чл. РАХ Голынец С. В., к. искусств, доценты Трошина Т. М., Галеева Т. А.

В. Гендерный аспект толерантности. Исследование поля культурных различий современной социальности и политики их репрезентации. Анализ социокультурного содержания современных гендерных норм и технологий, диалектика гендерного и этнического в различных гуманитарных парадигмах. Изучение природы гендерных конфликтов, проблема гендерной идентичности, принципы стратегии и тактики толерантности гендерного общения. Руководители темы: д. филол. н. Литовская М. А., к. филос. н. Шабурова О. В.

Остановимся подробнее на концепции первого из данных направлений.

Отвечая сразу же на подозрения скептиков относительно возможного «соскальзывания» нашего исследования в сторону нормативно-предписательного подхода к толерантности, следует подчеркнуть, что методологической основой для нас служит позиция радикального историзма при анализе как фундаментальных культурных явлений, так и повседневных поведенческих практик. Эта методология восходит к определенному прочтению Гегеля и Ницше, предпринятому такими выдающимися европейскими интеллектуалами XX века, как Ж. Ипполит, А. Кожев, Ж. Батай, М. Фуко, Ж. Деррида. Мировоззренческим стержнем здесь служит отказ от внеконтекстуальных идеализаций пусть даже самих гуманных и благородных идеалов современной цивилизации, таких, например, как толерантность, «политкорректность», свобода, индивидуальность, рациональность и т. п. Напротив, наш подход предполагает историко-генеалогический (в ницшевском смысле) взгляд на эти основополагающие ценности, что не позволяет трактовать современные западные страны как безоговорочных экспертов по части толерантности, как абсолютное воплощение толерантности в ее навсегда застывшем, наличном состоянии. С другой же стороны, историзм исследования позволяет удержаться и от такой крайности, как впадение в морализаторско-обличительный или просветительский тон по отношению к экономическим, социально-политическим и повседневно-бытовым реалиям российской жизни, которая по ряду важных причин не страдает от избытка толерантности.

Подобный взгляд сделал бы невозможным ни серьезное

понимание причин рождения толерантности в недрах правового, гражданского общества, ни понимание механизмов ее сегодняшней трансформации и превращения в краеугольный камень постиндустриального общества с его прогрессирующей мультикультурностью. Ее можно считать своеобразной «оливковой ветвью» грядущего века уходящей индустриальной эпохе, в которую Россия с таким нетерпением и нетерпимостью пыталась попасть на протяжении всего XX века. Проще говоря, все западные общества прошли длительный исторический путь к утверждению толерантности как реального идеала, если и не реализованного на все сто процентов, то, по крайней мере, хотя бы работающего в качестве вполне осязаемого предела для устремлений действующих социальных субъектов. С другой стороны, и Россия при всем террористическом и, одновременно, катастрофическом характере ее до сего дня незавершенной модернизации, не может быть прочитана только как вопиющее воплощение нетолерантности — такая «империя зла» в сегодняшней версии.

Предполагаемый проект представляет собой историко-культурное исследование трансформации параметров толерантного/нетолерантного поведения при переходе от аграрного общества к индустриальному, с последующим наслоением мыслительных парадигм в условиях зарождения постиндустриального уклада экономики. Перефразируя Гегеля, называвшего закон «идеальным преступлением», мы можем сказать, что, подобно всяким писаным и неписаным законам, принципы толерантности в снятом виде содержатся или «исполняются даже тогда, когда они нарушаются» (Ж. Деррида). Мы полагаем, что не вчера сформировавшийся российский способ «догоняющего» приобщения к западным ценностям — апроприации как экспроприации — всегда устроен по типу апории («дифферанса»), утверждения методом «от противного». Так, вернувшийся из берлинской эмиграции А. Белый отмечал, что «торжество материализма упразднило в России материю: нечего есть, не во что одеваться, одни идеи». Много позже Ж. Бодрийяр заметит с некоторой долей апокалиптичности: «торжество социализма упраздняет социальность». Есть все основания предположить, что и с толерантностью происходят точно такие же вещи.

Целью проекта является осмысление феномена толерантности в системе семиотического производства образа другого,

изучение характерного для любого экономического уклада исторически изменчивого баланса терпимого/нетерпимого отношением к чужому, иному. Трансформация способов освоения своего места в мире посредством подражания Другому, отрицания состояния данности, наличного этнокультурного многообразия приводит к тому, что этот краеугольный камень толерантности всегда утверждается на Руси самым нетерпимым способом. «Любовь к дальнему» — к Голландии у Петра, к Германии у Ленина, к Америке прямо-таки у всех советских правителей — оборачивается репрессивным стремлением гомогенизировать принципиально многоукладную страну, парадоксальным уничтожением «другого в том же самом» российском субстрате. Всякое продвижение вперед в русле модернизаторского импульса, как обычно иницируемого государством, происходило по сценарию, характерному для архаических культур: методом «шаг вперед, два шага назад» — жертвоприношением или попросту колониальным истреблением именно того, что как раз и сближало Россию с этим смутным, каждый раз утопически понимаемым «объектом желания». Прорывные продвижения вперед для России всегда отличала исключительная нетолерантность как идеологических обоснований, так и социально-экономических практик. Однако каждый виток террористической модернизации неожиданным образом внутри себя порождал побочный продукт — увеличение разнообразия, прогрессивный рост многоукладности экономики и усиление социальной стратификации. Усложнение же социальной ткани как раз и является подлинным источником толерантности.

Во всякой революции сверху или снизу, осуществляемой как подлинное отрицание социальной данности, «мудрость правительства проявляется именно в форме Террора», — утверждал А. Кожев (Кожевников), что для низов означает предоставление властью возможности проявить суверенитет в виде встречи со смертью, погружения в бездну негативности с целью извлечения дополнительной энергии и прорыва в царство желаемого будущего. «Таким образом, добровольная бесстрашная смерть в борьбе есть наиболее аутентичная реализация и проявление индивидуальной свободы. Именно в Терроре эта свобода находит свое социальное приложение, поэтому она не может быть достигнута в «толерантном» Государстве, которое не настолько серьезно относится к своим

гражданам, чтобы обеспечить им политическое право на смерть»¹⁹¹. Это означает, что нетолерантность как сверху, так и снизу является самым верным признаком серьезности намерений прорыва к другому социокультурному состоянию во имя выживания как системы в целом, так и отдельных ее элементов. Толерантность же в России характерна для состояний застоя и коррупции, последнюю вообще следует рассмотреть особо в качестве превращенной или избирательной формы толерантности в условиях мнимой неумолимости чиновников, приватизировавших теневой рынок административных решений, равно как торговлю общественными благами и неотчуждаемыми конституционными правами.

Отношения власти и подвластных ей граждан в переходный период смены эпистем или социокультурных парадигм выглядят как две встречных волны нетерпимости, прокатывающихся периодически сверху вниз и снизу вверх с целью посрамить партнеров по социальной пирамиде в их претензиях на достаточность в условиях неявного, непризнанного или постоянно нарушаемого с обеих сторон социального контракта протагонистов.

В этих условиях российское государство всегда оказывалось в уникальных условиях абсолютной автономности от разобщенного общества, неоднократно приобретало ту крайнюю степень отчужденности от подавляющего большинства населения страны, фактически живущего в другом социально-экономическом и историческом измерении. Для касты чиновничества всегда возникала возможность быть суверенным «пришельцем» — посланцем прогресса в отсталой по части кораблестроения, машинной индустрии и компьютеров стране, и номенклатура неоднократно впадала в соблазн экстатических практик наведения авторитарного порядка. Ее сила и претензии на неумолимость базировались на ощущении непричастности ни одному из сосуществующих укладов, с одной стороны, на стремлении выступать в роли трансгрессионного медиатора, законодателя, опосредующего изнутри и связывающего извне в качестве абсолютно суверенного господина все эти несовместимые эпистемы, — с другой.

Неразрывность друг от друга компонентов концептуаль-

¹⁹¹ Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. М., 1998. С. 174.

ной пары «толерантность/нетолерантность», понимаемая в социально-экономическом контексте, позволяет увидеть в многочисленных проявлениях нетерпимости в сегодняшней России не только негатив толерантности. Их следует трактовать как отношения нечитаемости логики смыслов различных образов жизни, хозяйственных и ментальных укладов, и как неизбежную плату за неустранимую парадигмальную разнородность культуры. Нам представляется, что значительный эвристический потенциал для анализа данного феномена в российской культуре несет историко-эпистемологический подход М. Фуко, демонстрирующий сочетание в институциональных дисциплинарных практиках одновременного «производства виновных в противозаконности, правонарушителей» (делинквентов), так и их исключения, изоляции, перевоспитания. Стратегия описания выдающимся французским мыслителем тюрьмы как инструмента наказания — исправления вполне может быть взята за образец диалектико-исторического анализа репрессивных практик вытеснения, применяемых российским государством в отношении регрессивных субдоминантных социально-экономических укладов. М. Фуко позволяет нам обнаружить элементы эгоистической толерантности (в целях сохранения пирамиды власти), указывает на технологию утилизации вины маргиналов, правонарушителей и «теневиков» по мере нарастания ограничительного характера законодательства, когда противозаконных практик становилось все больше. Подобная механика индустриальной переработки архаической народной массы действовала в тоталитарной России, что делало виновными практически всех (внутри государственной политики имела система приручения подданных путем вербовки доносчиков, работы в исправительно-трудовых лагерях в качестве демпинговой рабочей силы ускоренной модернизации). Фуко подчеркивает, что «тюрьма (и наказание вообще) имеет целью не устранение правонарушений, а скорее различение их, распределение и использование, что тюрьма и наказание не столько делают послушными тех, кто склонен нарушать закон, сколько стремятся *вписать нарушение закона в общую тактику подчинения*. Тогда уголовно-правовая система предстает как способ обращения с противозаконностями, *установление пределов терпимости*, открытие пути перед одними, оказание давления на других, исключение одной сферы, постановка на службу другой, нейтра-

лизация одних индивидов и извлечение пользы из других»¹⁹². Заметим, сколь поразительно напоминает эта картина толерантно/нетолерантную деятельность и нынешнего российского государства в качестве всемогущего оператора на глобальном всеобъемлющем теневом рынке услуг, конституционных прав, производящем и карающем теневой уклад одновременно. По данным социологов, от половины до трети населения страны включены в теневую экономику¹⁹³. Далее Фуко пишет о тюрьме как институте, способствующем «установлению видимой, открытой, заметной противозаконности, неустранимой на определенном уровне и втайне полезной, одновременно строптивой и послушной» (С. 406—407), о производстве на краях законности поля ручной противозаконности — маргинальной, но на самом деле централизованно контролируемой среды посредством ее дифференциации, приспособления.

Принципиально важной является идея французского культуролога об экстраполяции дисциплинарных механизмов усмирения низовой народной нетолерантности на самые невинные сферы и подсистемы культуры, о возникновении «континуума карцера», техника которого из области тюремных институций проникает во все общественное тело: в организацию школ, музеев или в архипелаг казарм и барачных рабочих городков. В этой непрерывной и принудительной дисциплинарной формации есть нечто от педагогического плана, предопределяющего жизненные пути даже тех, кто по видимости исключается в качестве изгоев общества и вытесняется на его границы: у системы нет «снаружи», поэтому преступность рождается посредством «все более плотных встраиваний» в социальность с ее инстанциями контроля, преобразования, исправления и улучшения. С самого начала подозреваемые в противозаконности маргиналы преступных сообществ, лица «еврейской или кавказской» национальностей, «чеченские террористы» не находятся вне закона, но в самом центре дисциплинарных механизмов надзора, исключения и принуждения. Разумеется, дискурс власти как суверенного субъекта модернизации в России вольно или невольно обречен на то,

¹⁹² Фуко М. Надзирать и наказывать: (Рождение тюрьмы). М., 1999. С. 399.

¹⁹³ Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия. М., 2000. С. 203—266.

чтобы занимать позицию мягкого или жесткого арбитра — воспитателя, улучшающего отсталый образ жизни и мышления подопечных, поднимающего депрессивные слои общества до высот современной цивилизации, подгоняющего отстающих на уходящий поезд в постиндустриальный мир.

Таким образом, дополнительность отношений толерантности / нетолерантности встроена в сам порядок дискурса власти, потому что, как и во всяком обществе, производство дискурсов в России контролируется и подвергается селекции. Эмпирически подтверждается отечественным опытом и другая идея культурологии постструктурализма — о наличии значительных расслоений в том, что можно назвать социальным присвоением дискурсов. Любая система образования является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов — «со всеми знаниями и силами, которые они за собой влекут». Это утверждение Фуко также кажется вполне применимым и к отечественной системе образования, которая, как и везде в мире, следует курсом, помеченным «дистанциями, оппозициями и социальными битвами» (к примеру, по вопросу о религиозном воспитании). Принципиально важно посмотреть, как в нынешней переходной ситуации действуют процедуры исключения и механизмы запрета на объект дискурса, а также на контекст, адресата и адресанта высказывания. «Нам хорошо известно, что говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, что не всякому можно говорить о чем угодно. Табу на объект, ритуал обстоятельств, привилегированное или исключительное право говорящего субъекта»¹⁹⁴, — все это свидетельствует о том, что и в самом толерантном обществе действуют разнообразные типы запретов, дополнительных и усиливающих друг друга способов исключения, разделения и отбрасывания, образующих сложную и непрерывно меняющуюся решетку нетолерантности. Подобный тип исторически преходящей, институционально-принудительной системы разделения в российской культуре приводит к принудительному подавлению и исключению архаических дискурсов, вытеснению порождающих их ментальных и экономических укладов как неистинных. Дискурс же власти все-

¹⁹⁴ Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине. М., 1996. С. 51–58, 69, 79 и др.

гда строится как говорение от имени истины, он профетический — дискурс будущего — потому, что власть всегда обосновывает свою легитимность путем доказательства принадлежности к современным суверенным реальностям: богатству, передовому производству, знанию, информации. «Само слово закона в нашем обществе могло получить право на существование только благодаря истинному дискурсу», — подчеркивает Фуко. Слова и законы могут быть не услышаны и проигнорированы, если отправитель и получатель сообщения принадлежат к несовместимым, но сосуществующим эпистемам со своими мыслительными горизонтами, экономическим укладом, наконец, просто к разным дискурсивным сообществам. Возможно провозглашение истинных вещей «в диком» социокультурном пространстве — именно здесь кроются огромные резервы нетерпимости, непонимания. Высказывания, идеи, ценности попадают в разряд истинных только в том случае, если «они подчиняются правилам дискурсивной «полиции», которые говорящий должен реактивировать в каждом из своих дискурсов», — полагает М. Фуко. Следовательно, в обществе действуют дисциплинарные фильтры и правила принуждения, ограничения, потому что не у всякого, кто захочет, может быть к ним доступ — происходит нетолерантное прореживание говорящих субъектов. В целом же французский исследователь делает вывод, что дискурсивные практики, как и эпистемы, могут перекрещиваться, иногда мирно соседствовать друг с другом, но иногда «игнорировать и исключать друг друга», т. е. совершать насилие над вещами и людьми.

Проект задуман как широкое междисциплинарное исследование, охватывающее не только эпистемологический аспект, но также социальный, экономический, политический, этнический, наконец, этический и эстетический аспекты толерантности. Наша позиция состоит в том, что главный источник нетолерантности — в парадигмальных разломах, разрывах непрерывного социально-экономического развития, порождающих конфликты ментальных и культурных стилей. «Неумолимость» авторитарного государства кажется сегодня не столь уж непоколебимой. Вообще не будет преувеличением сказать, что в любой самой репрессивной системе имеется свой исторически преходящий, превращенный, но и рационализированный с экономической точки зрения господствующего уклада баланс толерантности/нетерпимости. В таком случае иссле-

дование не должно пройти мимо коррупции как исторически ограниченной избирательной формы толерантности (квазитолерантности в маске напускной строгости «диктатуры закона») и, соответственно, столь же избирательной нетерпимости, заменившей ее тоталитарные формы.

Так, социологи и экономисты констатируют, что нелегальные экономические отношения проникли во все основные сферы жизнедеятельности россиян. При этом субъектами теневого порядка выступают не только производители товаров и услуг, но и их потребители. Речь, таким образом, должна вестись не об отдельных злоупотреблениях, но о всеобщей плотной социальной среде, которую нельзя быстро изменить никакими законодательными и репрессивными мерами потому, что для их реализации в обществе нет никаких реальных сил. Парадокс здесь в том, что это свидетельствует «не столько о *недостаточном* развитии рыночных отношений, сколько о *чрезмерно широком* распространении принципов рыночного поведения. В частности, объектом рыночной конкуренции становятся все без исключения общественные блага, доступ к которым по закону должен быть равным для всех граждан — в силу равенства конституционных прав. В этих условиях исполнительная власть, бюрократия, в чьи прерогативы входит распоряжение общественными благами, получает важные рыночные преимущества. <...> Чиновничество реализует эти свои преимущества на многообразных и связанных между собой теневых рынках»¹⁹⁵. Внутри этого замкнутого пространства, где объектом теневой приватизации является госслужба, а основным товаром на нелегальных рынках стали конституционные права, общественные блага и «толерантные» к потребителю административные решения, переход к другим горизонтам мышления и поведения невозможен. Беря за основу классификацию типов сознания, предложенную авторами цитируемого выше исследования (юридически-правовой, неправовой — или коррупционно-теневой, и доправовой, или морально-репрессивный), мы вынуждены сделать вывод о значительных и каждодневно востребуемых резервах нетолерантности в нынешнем российском культурном поле. Церефразируя мысль авто-

¹⁹⁵ Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия. С. 204 — 205.

ров о том, что чаще всего выбирать приходится не между коррупционером и честным человеком, а между различными более или менее профессионально компетентными коррупционерами, — мы приходим к выводу о том, что в случае с толерантностью выбор происходит между неправовой и морально-репрессивной ее формами (а именно между этими двумя позициями и распределяется весь спектр как мыслительных горизонтов, так и поведенческих практик подавляющего большинства населения страны). Можно проследить, как варьируется их сочетание в зависимости от территорий (село, малые провинциальные города или крупные города), причастности к реальному бизнесу или пассивной работы в бюджетной непредпринимательской сфере, в зависимости от политических симпатий. Репрессивное сознание, доминирующее в современной России и умело направляемое властью то против олигархов, то против кавказцев, то напрямую против политических оппонентов, вообще против всяческих «чужих», «лишено оптимизма, оно скорее инерционно-остаточное, чем устремленное вперед»¹⁹⁶. Таким образом, сегодняшняя Россия, как наследник и продолжатель советского образа жизни и соответствующего ему менталитета, воспроизводит его «скрытую, теневую, нелегально-коммерческую суть», раскрепощенную и вышедшую на поверхность с необычайной силой. Поистине, посткоммунистическое «завтра» оказалось вполне и совершенно «тенью от дела наших рук», если воспользоваться известным афоризмом Ж. Деррида.

Все же можно говорить о наметившемся ментально-поколенческом размежевании. Будем надеяться, что в сознании наиболее деятельной и образованной части россиян сформировалась постепенная установка на «своего рода квазигражданское общество». Оно частично компенсирует недееспособность тотально коррумпированного государства, замещая его. Но и здесь возможны конфликты и противоречия мировоззренческих горизонтов, и серьезные рецидивы нетолерантного сознания.

¹⁹⁶ Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия. С. 272, 283.